
МИХАИЛ КУЗЬМИЧ

ВЛАСТНАЯ СИЛА ЖИЗНИ

Штрихи к портрету Красновой-Гусаченко

Некогда известный русский поэт Константин Батюшков, размышляя о литературе, высказал замечательную мысль: “Отчего Кантемира читаешь с удовольствием? Оттого, что он пишет о себе. Отчего Шаликова читаешь с досадою? Оттого, что пишет о себе”.

Парадокс? Но в нем заложена весьма тонкая и продуктивная идея, связанная, несомненно, с весомостью слова, глубиной личностного осознания и выражения жизни, которые интересны и близки читателю.

В поэзии Т. Красновой-Гусаченко есть на чем остановить внимание, есть что почитать и над чем поразмышлять, а ее творческий багаж составляют восемь книг, включая избранное “Осень молодая”. От сборника к сборнику она набирала высоту, и в настоящее время ее творчество – самобытная страница русскоязычной литературы нашей страны. Страница, позволяющая увидеть многое: внятный портрет ее автора, манеру и особенности строки, возможности и поиски собственного достоинства в литературе.

Родом поэтесса из Брянщины. В прекрасных местах, прочерченных ручьями и речушками, едва заметными на карте, с пятнышками небольших озер и болотцев, заросших осокой, камышами, лозой, кустарниками, недалеко от белорусских и украинских границ спряталось милое ее сердцу и родное Щепятино, где она появилась на свет в первые послевоенные годы. К сожалению, деревушку постигла участь многих неперспективных селений на пространстве бывшего СССР, и поэту никак не свыкнуться с мыслью и пережить суровую правду, что уже нет той деревни – дорогой и неповторимой обители детства и юности.

Дом и дорога – тот духовный горизонт, который не имеет конца, властно зовет к осмыслению всего своего многообразия проявления. Это не эпигонство и не заимствованные образы классиков Александра Твардовского и Аркадия Кулешова, которые вспоминаются поневоле как предтечи. Но зато есть преемственность духовного содержания, что важнее всего в наше время.

Стихи вырастают из естественного ощущения своих корней, острой боли о том, что осталось лишь как память детства и как огромная духовная планета со своими нравственными скрепами и незабываемыми деталями.

*И не было лукавству места,
Был труд, да, что ни говори,
Светлы, чисты, как та невеста,
Дни плыли в отблесках зарниц.*

(“Дед Данила”)

Или современные ощущения, вызванные типичными нынешними реалиями, повергающими в грусть и отчаяние. Тревожно под сенью родного неба.

*Пересохло во рту, и добро,
Мне испить бы из кружки водицы,
Только в доме дыряво ведро,
Нет ни молодца, ни молодицы.
Как же горько мне, Господи мой,
Дай очнуться, засовы скорее
Разбивай, настезь ставни открой,
Я пришла... И свой дом отогрею.*

(“Я пришла разобраться во всем...”)

Дом и дорога – глубоко внутренняя тема. Первый, деревенский большак – наверное, главный большак в жизни человека. Прочувствовать его значимость можно, лишь оторвавшись от родного крова. Но это дороги не только в прошлое (оно более зримо и объяснимо), в детство, где остались навсегда самые сильные, острые, пронзительные по своей сути впечатления, но и связь с нынешним днем и будущим, которое хотя и незаметно, но притягивает своей загадочностью.

Это поездка туда, где каждый раз, словно в многоликой, цветастой, хаотичной житейской хронике, многое прокручивается в памяти, начинается и повторяется снова и снова. Родной дом – особая станция на жизненном пути, где всегда, кроме солнца, света, тепла, душевного комфорта, к сожалению, неизбежна горечь. Отсюда естественна грусть о том, что нам близко, но чего уже нет, что некогда уединенно-родное ушло в небытие, с нами уже многого нет (“Ты ждешь меня, мама, я знаю...”).

На этой дороге свои ступени, свои отметины, где есть ранние впечатления, уже окормленные “взрослым бытием”. “Малая Родина”, дом и дорога – это один узел глубинных ассоциаций, нечто огромное и неповторимое по своей сути.

*Где тот большак, что вел в мою деревню,
Где первый крик разрезал бытие,
И на рассвете имя дали мне в нем,
Оттуда — я, судьба и все мое...*

(“Где тот большак, что вел в мою деревню...”)

Главное, что личное наполняется глубокой, пронизывающей обобщенной публицистикой патриотического звучания. И там же:

*Бьет ненависть, и я — ослеплена
От боли и утрат, не понимаю:
Любимая, родимая страна,
Где большаки твои теперь, не знаю.*

Вопрошание не случайно. Хата, дом, храм, скиния – светлые понятия, имеющие глубокий духовно-нравственный смысл. Об этом одно из самых пронзительных стихотворений “Я поеду...”. Оно достойно того, чтобы привести его полностью.

*Я поеду, поеду домой этим летом,
Поеду в деревню, которой уж нет.
Только в душу мне глянет
Зрчком пистолета
Печная труба через крыши скелет.*

*Вот и хата моя: никуда не пропала,
Под старой ракитой кротко стоит,
Это по миру я, это я заплутала,
А хата моя в два окошка глядит.*

*Я как глухонемой и пропащий Герасим,
А хата все смотрит глазами щенка...
Даже с камнем на шее не гаснет — так ясен
Тот взгляд сквозь вину, сквозь страну,
сквозь века.*

*Я поеду, поеду домой этим летом,
Поеду, мне б только дорогу найти,
Только стежка засыпана снегом и светом,
И в детство мое мне никак не войти.
Я поеду домой...*

Строфы образуют весьма сложную словесную конструкцию, состоящую из многих ощущений и аналогий, включая тургеневский рассказ “Му-му”, фактурные наблюдения и мини-образы (крыша-скелет, печная труба, зрачок пистолета, пропащий Герасим и т. д.).

Создается гнетущая ситуация, а разговор с читателем ведется с позиций самой жизни. Конкретные детали и повтор “Я поеду”, придают стихотворению особую тональность и щемящее чувство.

Фактически — это целая микропоэма, где весьма непростое переплетение смысла, звучания слова и интонации, строки и мелодии, которые уживаются на сжатом пространстве текста.

В стихотворениях последних лет (сборники “Я пришла” и “Осень молодая”) понятие дома укрупняется и вырастает до чувства Родины.

Когда-то Расул Гамзатов в своей лирической автобиографической повести “Мой Дагестан” рассуждал о том, что в его душе постоянно живут две Родины — Дагестан и Россия. Так сложилось — у Красновой-Гусаченко — три Родины: Беларусь, Россия, Украина (“Три Родины во мне живут”). Ее чувства многогранны, а в сердце есть место и согласие для каждой из них, потому что судьба поэтессы связана с ними кровными узами: с Украиной — родиной мужа, Беларусью, где родились дети, и Россией, где начала свой земной путь сама, объединив всё собственной судьбой и великоросской сущностью.

*Русь, Великая Русь — за снегами.
А еще Белая Русь — дом родной! —*

вторит она в другом стихотворении “А в метельный рождественский вечер...”, выражая естественные и дорогие ей сближения.

Но дом — и великий духовно-нравственный остров в социальном пространстве, притягательный через годы своими искренними и радушными отношениями, запоминающимися радостями и болями, тревогами и надеждами. Цельный и неповторимый деревенский мир, где всегда было и есть место детским и юношеским романтическим устремлениям и тайным чувствам. Дом в представлении поэтессы — храм, и с годами его святость крепнет.

*Я в храме выросла березово-ржаном.
Я родилась под куполом апреля...*

С одной стороны, что дорого, близко ей, осознается как счастье, радость, а с другой — увиденное на Родине, услышанное обретает теперь иной смысл, особую многозначительность, приводит в уныние.

Если дом у поэтессы частичка самой себя, то дорога воспринимается как ее становление, движение во времени, со своими жизненными вехами, полустанками, остановками, крутыми и тернистыми поворотами и разворотами, обретениями и трагическими потерями.

Чувство пути, дистанции, движение, неумность, внутреннее напряжение в поэзии Т. Красновой-Гусаченко постоянно: “Я пришла разобраться во всем”, “Приходила, стояла, молчала”, “Прорастает сквозь память трава”, “Душа не забывает боли”, “Ко мне примчался рыжий конь”, “Хожу по земле, по траве...”, “Вот летит над миром”, “Уходят годы, жизни лучик тонок”, “Я снова в пути долгожданном”, “Вся судьба — окошком в осень, ни молчать, ни рассказать” и др. Из всего этого многообразия вырастает широкое обобщение:

*Со снегом я наговорила
И листопадов напилась,
Весны отрывной пригубила,
Июнем в лето заплыла.*

(“Со снегом я наговорила...”)

Содержание ее поэзии возвышенно. Поэтесса чувствует, что во времена упадка подлинных ценностей важнее всего вести разговор о душевспасении, обращаясь к духовному, нравственному, вечному. Поэтому в учителя она приглашает то, что ей близко, родственно, достойно человека: “Тишину миротворенья, красоту успокоения, чистоту и первозданность и молчанье мироздания...” (“Если нет в душе покоя”).

В любовной лирике Т. Красновой-Гусаченко живет нравственный дух народа, камерность, а в тональности превалируют тепло, нежность, чистота человеческих отношений, печаль, а не разнузданная безвкусица и похоть, так обильно украсившая творения многих современных поэтов. Перелистывая один за другим сборники стихотворений и поневоле натыкаясь на задушевные строки:

*Среди зимы, морозов, ветра, вьюги
У нас такая пышная весна,
Цветет сирень, и май — по всей округе,
От звезд (которых нет) нам не до сна.*

*Любовь моя! Мой Бог! За всю неволю,
За каждый день, за этот непокой,
За эту муку, сладкую до боли,
За редкий миг свидания — тайком,
Благодарю...*

(“Среди зимы...”)

Человек — песчинка в современном неистовом мире, в нынешнем универсуме, а его бытие — это жизнь-дума, жизнь-драма, жизнь-трагедия, мгновение по сравнению с вечностью. “Я — частица бесконечности, как птица” (“Если нет в душе покоя...”), “Я — капля, вечная в потоке и неповторима, как река” (“Девять сил”), — декларирует лирический герой. Но одновременно он — творец, создатель, труженик. “Я — пчелка, я — обычная пчелка”. В нем самоопределение состояния души.

Лирический герой максималист, а его позиция — быть предельно открытым, откровенным и определенным. Он не приемлет половинчатости. Поэтому для него:

*Если дождь, то обильный, надолго, крутой, обложной,
Если ветер, то сильный, пронзительный и штормовой,
Если солнце,
то жарким, прощальным опалит огнем,
Как любовью последней, вошедшей нечаянно в дом.*

(“Осень”)

Он ощущает себя человеком своего времени, своей Родины и умеет открывать эти чувства. В нем отчетлива властная и ясная сила жизни.

Однако жизнь не только гармония, обтекаемые, округлые формы, но и острые углы. Они ранят душу, а раны эти кровоточат сквозь года. Но судьбы никто ни у кого никогда не отберет. Для Т. Красновой-Гусаченко важно понимание и осмысление бытия как пограничного состояния, через которое выражается определенная философия. А отсюда постоянное обращение к образам “край”, “бездна”, которые в стихотворениях “Всей жизни сложнее — рождение и смерть...”, “Края у льда кончаются водой...”, “Такая бездна, именно — бездна...” и др. трактуются не как безнадежность и упадок, когда, казалось бы, иссякли силы, а наоборот, несмотря на великие страдания, боль, как энергия, борьба, созидание и оптимизм. Таков ее лирический герой.

Весьма показательна и разнообразна поэтика творчества Т. Красновой-Гусаченко. У нее есть свои особенности, секреты и собственные открытия. Может быть, как никто другой в современной русскоязычной поэзии Беларуси, она использует цветовую гамму, богатую, как и сама жизнь.

Острота видения, зоркость, экспрессия, утонченная и точная метафора характеризуют ее строку как в ранних стихах, так и в стихах более позднего времени.

*Собирала в ладони луну,
И боялась — а ну — уроню!
Но в ладонях застрял лунный серп...
О, куда же девать этот свет?*

*Вот и пальцы уже у меня
Голубей и прозрачней огня,
Я в ладони луну собираю
И кому подарить — выбираю.*

(“Собирала в ладони луну”)

Очевидны глубокая и тонкая наблюдательность, зрительная фиксация увиденного и культура слова.

Поэзия ее окатывает печалью, тоской по милым рощам, сиреновой кипени, загрустившим ивам, августовским туманам, осенним рябинам, потому что ей понятен и близок “дух молчаливой природы”.

*Пронзительные рослески рассветов
Над сонною сиреновой грядой,
А звездопад берез полураздетых
В опушке клейкой зелени густой.*

(“Когда и откуда я пришла, не знаю...”)

У поэтессы великолепна память на тона и полутона, ей подвластны тончайшие оттенки и нюансы, и она часто прибегает к необычному сочетанию — наречия и прилагательного, добиваясь максимальной выразительности. Березовый рассвет у нее — “пьяняще-чистый” (“Еще весна в свои права”), небо — “божественно-синее” (“Рябина”), торжество белой ивы — “легко-невинное” (“Солнце всходит”), “Стынь могуче-хрустальная” (“Весна”), дом любви — “хрустально-тонкий” (“Наш дом”), бурьяны — “сизо-белые” (“Девять сил”) и т. д. Удачный сбег прилагательного и наречия-оттенка образует иную содержательную образную суть, отражает душевное настроение, а в итоге вырастает более точное психологическое состояние лирического героя.

Мастерство поэтессы расширяется и углубляется за счет использования элементов фоники как организующего приема стиха.

*Только белый, только чистый,
только светлый лист!
Пусть ложится слог лучистый,
пусть он будет чист.
Пусть росток растет, не зная,
что ведь он растет.
Пусть молитва слов святая
душу обретет.*

(“Только белый, только чистый...”)

Впечатление таково, что как будто бы “катятся звуковые волны” (Александр Блок), а сами слова и звуки в них образуют своеобразную симфонию.

Нет сомнения, что стихи ее будут положены на музыку, а композиторы обратят на них внимание.

Необычные и сочные детали характерны для многих ее других стихотворений. Звучит “тихая” лирика, напоминающая “особую”, автономную, неповторимую мелодию природы.

*Меж зимой и весной поединок
Шел не раз через этот лесок,
Где в бокалы из утренних льдинок
Разливался березовый сок.*

(“Лес шумел, и деревья твердили”)

Ну а разве оставят равнодушными и не вызовут улыбку строки из “Приговоров”: “Ивы рыбу удят // Косами в пруду, // Зоренька разбудит – // Встану и пойду”.

Нечто чисто-светлое есть в этой мягкости, органичной акварельности, буквально выхваченных из природного бытия и переданных зримо.

Очевидна приверженность поэтессы к эпитету, а живописание, оно – ее почерк, не случайно. В нем возможность полнее и глубже представить мир лирического героя, перепады и подьемы его настроения, состояния души.

И главное, за счет этого расширяется объем стихотворения. Ее поэзии присущ, как правило, “говорящий”, взрывной, эмоциональный эпитет.

“Желаний **невыпитый жар**” (“Никогда тебя не забуду”), “юность покати-лась в **упрямый зенит**”, “свет **небесный** стекает по листьям берез” (“Прозвенев, покати-лась...”), “неба свод – **глубокий и манящий**” (“Когда стряхну дневную суету”), “**земной, простой** угар сирени” (“И красота возвысит Ваши души”), “**немой** снегопад” (“Милый друг, дорогая подруга”), “красота **холодная** такая” (“О, Витебск, Витебск мой...”), “ветви деревьев, так отчетливо **врезанные в голубую** весну” (“Вот я слово беру...”), “первые звуки **заутренних** звонов” (“И – ушла... Высоко!..”), “в оранжевом я видела сосну” (“Уже смеркалось”), “креста **оструганная** тень” (“Я детство помню смутно, плохо”), “**вечный** свист – **тоскливый, тонкий, бесконечный**...” (“И все пройдет”).

В поэтике нередко используется цветовая гамма. Она широко рассыпана по ее сборникам. Синь, синева, зелень, осень, белизна, свет, снег, и чаще всего рядом чистота, горечь, утрата, боль, весна. А ведь действительно: ничто не существует без своей противоположности. Жизнь – смерть, добро – зло, свет – мрак, любовь – ненависть, вера и неверие, знакомые нам из реальной жизни. Поиск и отражение “золотого равновесия”, утверждение доброты, человечности, жажды света в лирике Т. Красновой-Гусаченко естественны (“Поэты пишут для поэтов”, “В саду” и др.). Черно-белое видение окружающего для нее не характерно, а ненавязчивая частотность как раз и свидетельствует о богатстве и многообразии ее восприятия.

Звуки, краски, ароматы, запахи – не самоцель, а отражение состояния духа лирического героя, его мироощущения.

Ее поэзия напоминает древо жизни с глубокими народными истоками и звонкой шелестящей кроной. Она действительно, по ее собственному признанию, “То полыхнет рябиной в чаще, // То солнцем глянет из-за тучи, // То нежностью мелькнет вчерашней // Или толкнет небрежно с кручи” (“Поэзия”).

Откровения и широкие признания поэтессы следует воспринимать как ее жизненную, гражданскую и эстетическую позицию. Она – в опоре на нравственный опыт предков, на литературные традиции, на то, что реально-существенно, любимо и привлекательно. Она понимает, что мир космополитических, перекашивающих человека ценностей уродует наше повседневное бытие. Поэтому ее поэзия – в простоте, в искреннем чувстве, размахе строки и широкие мысли, без нарочитого новояза и вычурной эстетики.

Свое ощущение в жизни, в творчестве Тамара Краснова-Гусаченко определила как “осень молодая”. Метафора, которая, на мой взгляд, точна и одновременно ассоциируется с творческой зрелостью и свежестью восприятия. А это значит, что непременно будут новые стихи, наполненные жизненными соками и свежими, неостывшими и непоблекшими красками бытия, что она по-прежнему накануне несуетного и трепетного слова.